

СРАВНИТЕЛЬНО- ИСТОРИЧЕСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

А.А. Кара-Мурза

КАРАМЗИН, ШАДЕН И ГЕЛЛЕРТ. К ИСТОКАМ ЛИБЕРАЛЬНО-КОНСЕРВАТИВНОГО ДИСКУРСА Н.М. КАРАМЗИНА

Аннотация. В статье исследуются истоки оригинальной историософской и историко-литературной концепции Н.М. Карамзина (1766-1826), которую отечественные авторы (от кн. П.А. Вяземского до П.Б. Струве) определяли как «либеральный консерватизм». Автор статьи полагает, что предысторию «сотворения Карамзина» (Ю.М. Лотман) надо искать в московском периоде его учебы (1778-1782) в частном пансионе профессора И.М. Шадена, находящемся в центре московской Немецкой слободы. Фактически, это было «первым путешествием Карамзина в Европу», на десять лет предшествовавшее известной поездке 1789-1790 гг. Парадокс заключался в том, что эту свою «первую Европу» юный Карамзин нашёл не на Западе, а в Москве, причём уже, как вполне органичную часть русской жизни.

Автором использованы новые материалы о жизни и учёбе Карамзина в Немецкой слободе, а также об образах европейской литературы, на которой он был воспитан. Особая роль в этом воспитании принадлежала сочинениям немецкого философа-моралиста и поэта-баснописца Х.В. Геллерта, по местам которого в Лейпциге Карамзин потом путешествовал в 1789 г.

В статье впервые в истории отечественной философии и культурологии высказывается гипотеза о том, что Н.М. Карамзин стоял у истоков русского «христианского либерализма» (учения не политического, а культуро-центричного), о чём свидетельствует его «духовное завещание» 1826 г.

Ключевые слова: Карамзин, Россия, история, литература, политика, консерватизм, либерализм, свобода, личность, дискурс.

Abstract. The author of the present article studies the sources of the original historiosophical and historico-literary concept offered by Nikolay Karamzin (1766–1826) and described by Russian researchers (from Prince Pyotr Vyazemsky to Pyotr Struve) as ‘liberal conservatism’. The author of the present article assumes that the prehistory of the ‘Creation of Karamzin’ (Yu. Lotman’s expression) can be found during the period when Karamzin studied in Professor Iogann Shaden’s private board school in Moscow (1778–1782). The school was located in the very center of the the Foreign Quarter of Moscow. In fact, it was Karamzin’s first ‘journey to Europe’ 10 years before his well-known traveling through Europe in 1789–1790. Paradoxically, young Karamzin found his ‘first Europe’ not in the West but in Moscow as an integral part of Russian life. The author of the present article analyzes new materials about the life and studies of Karamzin in the Foreign Quarter of Moscow as well as images of European literature Karamzin was raised upon. Special attention is paid to a German philosopher, moralist, poet and fable writer Christian Gellert. Later in 1789 Karamzin visited places in Leipzig where Christian Gellert had been. For the first time in the history of Russian philosophy and cultural studies the author of the present article proposes a hypothesis about Nikolay Karamzin standing at the origins of Russian ‘Christian liberalism’ (culture-centered but not political teaching). According to the author of the present article, Karamzin’s ‘spiritual will’ of 1826 is another proof of this hypothesis.

Key words: freedom, liberalism, conservatism, politics, literature, history, Russia, Karamzin, personality, discourse.

Загадка Карамзина

В 2016 г. отмечается 250-летие со дня рождения Николая Михайловича Карамзина (1766-1826) – замечательного русского историка и литератора. Многие отечественные интеллектуальные и политические направления – от диссидентов-либералов до крайних охранителей – стремятся вести свою родословную от Карамзина (сам он, как известно, вёл свой род от татарского князя «Карамурзы») – и ни у кого это всерьёз не получается [1]. И это естественно: оригинальность Карамзина – не в его политической позиции (политиком он не был вообще), а в *самобытном интеллектуальном дискурсе*, который, разумеется, мог иметь определённые политические проекции, но нередко перенаправлял их, вводя в замешательство и современников, и потомков.

Пётр Струве, в зрелые годы не устававший подчёркивать своё идейное сродство с Карамзиным, называл его родоначальником *либерального консерватизма* (понятие, впервые сформулированное другом Карамзина – князем П.А. Вяземским) – «традиции русской, свободолюбивой и охранительной в одно и то же время, государственной мысли», главным содержанием которой является активное неприятие «*засывающего и заманивающего суесловия и блудословия*» (курсив мой. – А.К.) [2]. К слову, к продолжателям этой традиции Струве относил Пушкина, самого Вяземского, Бориса Чичерина, «Вехи», «Московский еженедельник» братьев Трубецких и свои собственные очерки из сборника «*Patriotica*».

Думается, Карамзин согласился бы с оценкой своего наследника: за свою жизнь он прооппонировал практически всем «лагерям» и «партиям», и его расхождения с ними были, прежде всего, *дискурсивно-филологические*, ибо оружием Карамзина было Слово (которое в христианской традиции суть Бог), а врагами – те самые «суесловие» и «блудословие», с каких бы сторон они не исходили [3]. И на этом пути десакрализации всякого «ложного слова», развенчания любой идеократии Карамзина не могли остановить ни блажь черни, ни лукавство царей.

В конце жизни Карамзин сам подтвердил своё *дискурсивное кредо* в «Мыслях об истинной свободе», написанных незадолго до смерти, в начале 1826 г. «Можно ли в нынешних книгах или журналах без жалости читать пышные слова? – печально-иронически вопрошает уже больной Карамзин, серьёзно простудившийся 14 декабря близ Сенатской площади, где он с ужасом наблюдал вспышку братоубийства. – Настало время истины; истиною всё спасём; истиною всё ниспровергнем... Настало время истины: т.е. настало время спорить об ней!» [4, с. 194]. И далее он раздаёт «по серьгам»

всем старым и новым оппонентам: «Аристократы, Демократы, Либералисты, Сервилисты! Кто из вас может похвалиться искренностью? Вы все Авгуры, и боитесь заглянуть в глаза друг другу, чтобы не умереть со смеху. Аристократы, Сервилисты хотят старого порядка: ибо он для них выгоден. Демократы, Либералисты хотят нового беспорядка: ибо надеются им воспользоваться для своих личных выгод» [4, с. 194-195].

Так на чьей же стороне Истина? «Для существа нравственного, – заключает свои заметки Карамзин, – нет блага без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе, с помощью Божиею. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностью к провидению!» [4, с. 195]. Гениальная карамзинская формула в его, фактически, «Духовном завещании» 1826 г. о личной свободе, которую каждый человек может подарить «самому себе с помощью Божией» позволяет говорить о Карамзине, как об одном из русских зачинателей течения «христианского либерализма», учения не политического, а культуро-центричного [5].

На стороне Карамзина оказалась сама русская История: она готовила его приход. Прошло не так много лет после воцарения Екатерины, и в русской культуре постепенно закрепились комплиментарная по отношению к «просвещённой Императрице», но и весьма историософски содержательная, антитеза «тело versus душа» в оценке направления нашей истории XVIII в. Когда весной 1770 г., в Санкт-Петербургской Академии художеств выставили для обозрения модель фальконетовского «Медного всадника», Александр Сумароков сочинил стихотворную надпись «Ко статуе Государя Петра Великого», где выдал запоминающуюся метафору: «Пётр дал нам бытие, Екатерина душу» [6]. Похожую формулу находим и в стихотворном послесловии Михаила Хераскова к его роману «Нума Помпилий, или Процветающий Рим» (1768): «Пётр россам дал тела, Екатерина душу» [7; 8].

Однако не самой Екатерине, а литератору и историку Карамзину было суждено совершить великое дело («подвиг честного человека», по определению Пушкина [9]) – вдохнуть живую душу в тело созданной великим Петром Империи, наполнить самобытным гуманным смыслом самодержавный контур, не повредив при этом оболочки [10].

Верно заметил на сей счёт историк С.М. Соловьёв, выступая в Актовой зале Московского университета 1 декабря 1866 г., в день 100-летнего юбилея Карамзина: «После тревожной эпохи преобразования и переходного времени... произошла перемена в основном взгляде русских людей; они заявили своё недовольство одним *внешним* и требовали *вну-*

тренного, требовали вложения души в тело (везде курсив мой. – А.К.), и требование было удовлетворено... Вглядимся в эту мягкость черт Карамзина, припомним в нём это сочувствие к чувству, к нравственному содержанию человека, припомним его выражение, что чувством можно быть умнее людей умных умом» [11].

Загадку уникальности Карамзина в нашей культуре, похоже, разгадал П.Я. Чаадаев, который в письме А.И. Тургеневу (1838) писал о том, что он «с каждым днём более и более научается чтить память Карамзина», который становится для него символом победы человеческого ума над «фанатизмом» [12]. А критик А.М. Скабичевский советовал всем читателям Карамзина «откинуть в сторону его политические взгляды», и посмотреть на него, как на «моралиста-прогрессиста», который «первый, вопреки средневековой догматике, начал проповедовать и свободу страстей, и право человека на земное счастье», что было по тем временам «неслыханной ересью» и вызвало натуральные доносы, где сочинения Карамзина объявлялись «исполненными вольнодумческого якобинского яда» [13].

Где же Н.М. Карамзин научился этому «вольнодумию», как пришёл к нему удивительный дар «сочувствия к нравственному содержанию человека»?

В Москве у профессора Шадена (1778-1782)

Начальное образование Карамзин, как известно, получил в доме родителей и в частном пансионе француза Пьера Фовеля в Симбирске, а в двенадцать лет был направлен в «первопрестольную» для дальнейшей учёбы. В сопровождении крепостного дядьки, он приехал осенью 1788 г. в московскую Немецкую слободу, в частный пансион профессора Московского университета Иоганна Шадена.

Общая недооценка исследователями этого «московского периода» в жизни Карамзина привела к тому, что в, казалось бы, авторитетных биографических изданиях даты его учебы в пансионе Шадена определяются чуть ли не «на глазок» и сильно разнятся. Так, К.Н. Бестужев-Рюмин в дореволюционном «Русском биографическом словаре» А.А. Половцева лишь бегло отмечает, что Карамзина отправили в Москву «после 1776 г.». П.Н. Милюков в «Словаре Брокгауза и Ефрона» (1901) пишет: «На 14-м году К. Карамзин» был привезен в Москву и отдан в пансион моск. профессор Шадена». Авторы примечаний к академическому изданию «Писем русского путешественника» (Л.Е. Генин и Ю.М. Лотман) полагают, что Карамзин учился у Шадена «в 1777-1781» (т.е. начиная с 10-11 лет). А Г.П. Макогоненко, автор статьи в «Краткой литературной энциклопедии», напротив, утверждает, что

Карамзин попал к Шадену «в 1780 г.» (т.е. в возрасте аж четырнадцати лет!) и т.д.

Между тем, в судьбе Карамзина четыре года пребывания в московской Немецкой слободе были периодом исключительно важным; фактически – его *первым путешествием в Европу*. Парадокс заключался в том, что эту свою «первую Европу» юный Карамзин нашёл не на Западе, а в Москве, причём уже как вполне органичную часть *русской жизни*. Ведь Немецкая слобода времён Карамзина – подростка – это уже екатерининская Москва, прожившая со времён Петра с его «потешными» катаниями по Яузе-реке и наивно-любопытным подглядыванием за жизнью «немцев» (т.е. всех «немых», не говорящих по-русски, чужаков) содержательный период межкультурного синтеза.

Частный пансион профессора Иоганна Шадена стоял примерно в середине главной улицы московской Немецкой слободы – Немецкой (или «Большой»), прорезывающей район с севера на юг, от Елохова и Покровской дороги (ныне Бакунинская улица) до реки Яузы. Домовладение Шадена, включавшее, согласно топографическим планам тех лет, несколько деревянных построек и большой сад, располагалось на углу Немецкой улицы и Бригадирского переулочка, на том месте, где сейчас находится дом № 68 по Бауманской улице.

Иоганн Матиас Шаден (1731-1797), уроженец Пресбурга (ныне Братислава), получил степень доктора философии в славянском университете в Тюбингене и в 1756 г. был приглашён графом И.И. Шуваловым и первым директором Московского университета А.М. Аргамаковым на должность ректора обеих – дворянской и разночинной – университетских гимназий. Накопив за 15 лет уникальный опыт гимназического преподавания, Шаден в начале 1770-х гг. сложил с себя обременительные обязанности ректора (оставив за собой некоторые университетские курсы) и открыл, вместе с женой, в их доме на Немецкой улице, пансион для обучения русских дворянских юношей двенадцати-шестнадцати лет.

В пансионе, в котором обычно было не более восьми учеников, царил почти «домашняя» атмосфера, о которой оставил воспоминания один из воспитанников, учившийся у Шадена чуть раньше Карамзина: «У профессора мне было точно так, как будто мать моя позволила мне погостить у детей какого-нибудь почтенного соседа. Мы не знали никакой подчинённости, любили старика (воспитанники называли Шадена на русский манер «Богданом Богдановичем» – А.К.) как отца родного, а друг друга – как братьев. Все мы были равны, разница существовала только в летах. У нас не было никаких наград, но зато нас иногда ласкали, приголубливали, а наказание заключа-

лось в хорошем нагоняе, в холодном отношении. Мы не знали никаких упрёков, продолжительного гнева, интриг и сплетен, и потому все действия наши были свободны и открыты» [14, с. 50].

Распорядок дня в пансионе был следующим: «Поутру каждый со своим маленьким столиком, книгами, тетрадями входил в залу и располагался, где хотел. Уроки наши проверяла профессорша по утрам, когда супруг её уезжал в университет. Утром в назначенные часы приходили также другие учителя. Обед всегда представлял трапезу семейную с молитвою до и после обеда. В четыре часа начинались классы профессора. О, как любил мы собираться вокруг него, когда он в большом своём кресле, в пёстром халате и зелёном тафтяном колапаке, положи ноги на скамейку, рассказывал о разнообразных произведениях природы или событиях в мире. Вечером всякий занимался, чем хотел, но большие ученики позволяли нам играть только после приготовления заданного урока. Так как комнаты наши были довольно тесны, мы не смели ни прыгать, ни шуметь. Обыкновенное занятие всех было слушать, лежа на кроватях, как один из старших учеников читал громко и внятно» [14, с. 51].

Шаден сам давал воспитанникам уроки латинского, древнегреческого и немецкого языков, а также истории, географии и основ философии – логики, метафизики, эстетики. Французский язык преподавала жена Шадена; русский язык и математику – приглашённые учителя, а Закон Божий – приходивший православный священник. Впрочем, по свидетельству мемуариста, воспитание православных подростков в доме лютеранина Шадена (прихожанина расположенной недалеко кирхи св. Михаила) было вполне светским: «В церковь нас никогда не водили. Профессор не занимался практически нашей нравственностью и довольствовался тем, что преподавал её во время обеда. Главными предметами его разговоров были правосудие, бескорыстие, любовь к отечеству, трудолюбие» [14, с. 51].

В доме имелась богатая библиотека, занимавшая три большие комнаты, где все стены от пола до потолка были уставлены шкапами с книгами: «Шкафы имели свои номера, и каждый из нас имел своё отделение. Наша обязанность заключалась в том, чтобы обметать с книг пыль каждую субботу после обеда. За это мы имели право пользоваться книгами, когда хотим. Из чужого шкафа мы не могли иначе брать, как с согласия того, кто им заведовал» [14, с. 51]. Что касается содержимого «книжного отделения» юного воспитанника Карамзина, то он сам позднее описал его в «Письмах русского путешественника»: «Геллертовы басни составляли почти всю мою библиотеку» [15, с. 62]. О ком и о чём идёт речь?

Излюбленным автором профессора Шадена был Христиан Фюрхтеггт Геллерт (1715-1779), немецкий философ, поэт и баснописец, чьи «Басни и рассказы», по многим свидетельствам, были в XVIII в. самой читаемой в Европе книгой после Библии. В советском литературоведении, вполне в традициях Белинского, Добролюбова и Писарева, было принято трактовать Геллерта как «последовательного идеолога немецкого бюргерства в его исторической ограниченности и консервативной застойности» [16]. Впрочем, С.В. Тураев, например, признавал некоторые «прогрессистские» элементы в творчестве Геллерта. По его мнению, «нравственный пафос» нередко заводил баснописца «дальше тех умеренных целей, которые он перед собой ставит»: «Как наблюдательный художник, он видит пустоту, ничтожество, паразитизм дворянства и моральное превосходство человека-труженика» [16, с. 202].

Стоит добавить, что «Лекции о нравственности» профессора Геллерта, а также его не менее знаменитый «Курс по истории литературы» слушал в университете Лейпцига юный студент Гёте. Впоследствии он скажет о том, что «учение Геллерта о морали является «фундаментом немецкой нравственной культуры» [17; 18].

Геллерт проводил в Лейпцигском университете и практические занятия по прикладной этике, и нет сомнения в том, что его верный последователь, «Богдан Богданович» Шаден, исповедовал в Москве те же педагогическо-воспитательные принципы. Карамзин вспоминал, как Профессор (он писал это слово с большой буквы – А.К.), «преподавая нам, маленьким своим ученикам, мораль по Геллертовым лекциям (Moralische Vorlesungen), с жаром говаривал: «Друзья мои! Будьте таковы, какими учит вас быть Геллерт, и вы будете счастливы!»» [15, с. 62].

Когда Геллерт скончался в Лейпциге 13 декабря 1769 г., – это стало европейским событием. На его могилу на Иоганново кладбище, неделю за неделей, ходило такое количество людей, что властям пришлось перекрыть вход. Скульптор Адам Эзер, на средства разбогатевшего на печатании трудов Геллерта издателя Иоганна Вендлера, создал чудесный памятник из белого мрамора, о котором в 1777 г. Гёте написал стихи: «Счел долгом каждый дилетант / Цветок влести в венок лавровый / Обряду скорби несуровой / Совсем не надобен талант / Лишь Эзер вне толпы стоял, / Душой к усопшему взывая, / Черты родные вспоминал, / Нетленный образ создавая; / И скорбь нестройную толпы / Собрал он в мрамор вдохновенный, / Так в урну маленькую мы / Сбираем пепел незабвенный» (перевод А.А. Гугнина).

Удивительно, но московский профессор Шаден оказался поклонником не только философа и моралиста Геллерта, но и скульптора Эзера: тот, как

и Шаден, был уроженцем Пресбурга (Братиславы). Поэтому литографические изображения памятника Геллерту работы Эзера в лейпцигском саду Schneckenberg, широко известные во всей Европе, были несомненно, хорошо знакомы и воспитанникам пансиона в московской Немецкой слободе.

В Лейпциге – городе Геллерта (1789)

Летом 1789 г., во время своего вояжа в Европу, двадцатидвухлетний Карамзин задержался в Лейпциге, в Университете которого (славного именами Лейбница, Вольфа, Геллерта) он мечтал когда-то учиться: «Без всяких дальнейших приключений доехали мы до Лейпцига, – читаем у Карамзина в «Письмах русского путешественника». – Здесь-то, милые друзья мои, желал я провести свою юность; сюда стремились мысли мои за несколько лет перед сим; здесь хотел я собрать нужное для искания той истины, о которой с самых младенческих лет тоскует моё сердце! – Но судьба не хотела исполнить моего желания. Воображая, как бы я мог провести те лета, в которые, так сказать, образуется душа наша, и как я провёл их, чувствую горечь в сердце и слёзы в глазах. – Нельзя возвратить потерянного!» [15, с. 60].

Разумеется, на следующее же утро после приезда, Карамзин отправился смотреть места, связанные с жизнью Христиана Геллерта. В «Вендлеровом саду» он, наконец, увидел давно знакомый по рисункам монумент из белого мрамора работы Эзера (в то время Директора Лейпцигской Академии художеств): «Тут, смотря на сей памятник добродетельного мужа, дружбою сооруженный, вспомнил я то счастливое время моего ребячества, когда Геллертовы басни составляли почти всю мою библиотеку». Карамзин вспомнил тогда два своих самых любимых в юности сочинений Геллерта, над одним из которых – «Инкле и Ярико», он «обливался горькими слезами», а над другим – «Зелёным ослом» – «смеялся от всего сердца» [15, с. 62].

«Инкле и Ярико» – это трагико-сентиментальная история любви англичанина Инкле, попавшего в кораблекрушение у берегов Америки, и спасшей его индианки Ярико: один из популярных сюжетов европейской литературы XVIII в. Англичанин берёт влюблённую в него индианку с собой в Европу, но по дороге бестрепетно продаёт её работоторговцу, причём за двойную цену, т.к. девушка носит ребёнка...

Басню «Зелёный осёл» во времена юного Карамзина, кто мог, читал по-немецки, а в 1782 г. появился великолепный русский перевод Ивана Хемницера. История, восходящая к басне Абстемия «О вдове и зелёном осле», стала популярной: один чужак, чтобы прославиться, раскрасил своего осла в зелёный цвет, а ноги сделал голубыми, чем

вызвал небывалый ажиотаж в городе («По улицам смотреть зелёного осла / Кипит народу без числа»). Однако через два дня всё внезапно закончилось: «На третий день осла ведут / Смотреть осла уже и с места не встают...» Геллертовская мораль была понята даже маленьким воспитанником русско-немецкого пансиона в Москве: «Какую глупость ни затеи, / Как скоро лишь нова, чернь без ума от ней. / А лучше времени глупцов препоручить... / Оно умеет их учить...». Сколько раз потом в своей жизни Карамзин, оппонировав лукавым словесам всякого рода «прожектеров» (от фрондеров до царей), вспоминал, должно быть, историю о «зелёном осле»!

Подводя итоги, обращаю внимание на, казалось бы, «проходной» фрагмент дневниковой записи Карамзина о его приезде в июле 1789 г. в Лейпциг и первом, казалось бы, вполне рядовом, общении со словоохотливым хозяином гостиницы. «В 11 часов ночи. Я остановился в трактире у Мемеля, против почтового двора. Комната у меня чиста и светла, а хозяин услужлив и говорлив до крайности. Между тем как я разбираю свой чемодан, рассказывал он мне о порядке, заведённом в его доме, о своём бескорыстии, честности и проч. «Все те, которые жили у меня, – говорил он, – были мною довольны. Я получаю, конечно, не много барыша, да зато идёт обо мне добрая слава; зато у меня совесть чиста и покойна, а у кого покойна совесть, тот счастлив в здешней жизни, и ничего не боится, и ни от чего не бледнеет...». В самую сию секунду грянул гром, и г. Мемель испугался и побледнел. «Что с вами сделалось?» – спросил я. «Ничего, – отвечал он, запинаясь, – ничего; только надобно затворить окно, чтобы не было сквозного ветру...» (курсив везде мой. – А.К.)» [15, с. 60].

Ба! Да ведь перед нами – целая нравоучительная притча в стиле Фридриха Геллерта! «Не хвались сверх меры и не лукавь – Господь обязательно накажет!» Правы Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, которые полагали, что беллетристическая природа «Писем русского путешественника» «проявляется в осязаемой стилизации образа автора и подчёркнутости его литературной позы», и в этом смысле «Письма» «очевидно отличаются от дошедших до нас реальных писем Карамзина» [19, с. 526].

...Вечер, когда над заштатной гостиницей в Лейпциге прозвучал яростный удар грома, так напугавший незадачливого болтуна-хозяина, помечен в дневнике Карамзина 14-м июля 1789 г. В этот день в Париже произошли события, заставившие «испугаться и побледнеть» всю просвещённую Европу. Различные интерпретации этих событий, начинавшихся памфлетами Руссо и Вольтера, рискованными эскападами проказника Фигаро (придуманной великим Бомарше, но ставшим культурно-психологической реальностью), энергическими

речами Сийеса, Мирабо и Дантона (а потом ещё более грозными – Марата и Робеспьера), определили ход интеллектуальных поисков всей Европы, мощно захватив и Россию.

14 июля 1789 г. 22-хлетнему русскому путешественнику, ещё не подозревавшему о событиях в

Париже, был дан в Лейпциге, любимом городе любимого им философа-моралиста Геллерта, сигнал *свыше* о том, что Карамзин потом всю свою жизнь не принимал более всего – безответственности в обращении со священными для него понятиями человеческого достоинства и свободы.

Список литературы:

1. Кара-Мурза А.А., Панарин А.С., Пантин И.К. Духовный кризис в России: есть ли выход? // Октябрь. 1996. № 5. С. 155-165.
2. Струве П.Б. Дневник политика (1925-1935). М., Париж: Русский путь – ИМКА-пресс, 2004. С. 331.
3. Жукова О.А. О мифологических соблазнах русской истории и культуры // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 110-122.
4. Карамзин Н.М. Неизданные сочинения и переписка. СПб., 1862.
5. Кара-Мурза А.А., Жукова О.А. Свобода и Вера. Христианский либерализм в российской политической культуре. М.: Институт философии, 2011. 184 с.
6. Сумароков А.П. Полн. собр. соч. М., 1781. Ч. 1. С. 268.
7. Творения М. Хераскова. М., 1803. Ч. XII. С. 165.
8. Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. Реформатор. Русские о Петре I. Иваново: Форум, 1994. 319 с.
9. «Северные цветы» на 1828 год. СПб., 1827. С. 225.
10. Жукова О.А. Исторический образ России: традиция и традиционализм // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 4. С. 56-60.
11. Московские университетские известия. 1866-1867. № 3. С. 181.
12. Чаадаев П.Я. Сочинения. М., 1989. С. 411-412.
13. Скабичевский А.М. Соч.: в 2 т. Т. 1. СПб., 1903. Стб. 210-213.
14. Муравьев В.Б. Карамзин. М.: Молодая гвардия, 2014. 480 с.
15. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / Ред. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. Л.: Наука, 1984. 716 с.
16. Тураев С.В. Ранняя просветительская сатира // История всемирной литературы: в 9 т. Т. 5. М., 1988. С. 200-203.
17. Климакина Е.А. Басни и притчи в жанровой системе творчества Х.Ф. Геллерта // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2. С. 185-190.
18. Климакина Е.А. «Трогательная комедия» Х.Ф. Геллерта // Вестник Коломенского государственного педагогического института. 2009. № 2(8). С. 131-138.
19. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 525-606.

References (transliterated):

1. Kara-Murza A.A., Panarin A.S., Pantin I.K. Dukhovnyi krizis v Rossii: est' li vykhod? // Oktyabr'. 1996. № 5. S. 155-165.
2. Struve P.B. Dnevnik politika (1925-1935). M., Parizh: Russkii put' – IMKA-press, 2004. S. 331.
3. Zhukova O.A. O mifologicheskikh soblznakh russkoi istorii i kul'tury // Voprosy filosofii. 2010. № 4. S. 110-122.
4. Karamzin N.M. Neizdannye sochineniya i perepiska. SPb., 1862. S. 11.
5. Kara-Murza A.A., Zhukova O.A. Svoboda i Vera. Khristianskii liberalizm v rossiiskoi politicheskoi kul'ture. M.: Institut filosofii, 2011. 184 s.
6. Sumarokov A.P. Poln. sobr. soch. M., 1781. Ch. 1. S. 268.
7. Tvoreniya M. Kheraskova. M., 1803. Ch. XII. S. 165.
8. Kara-Murza A.A., Polyakov L.V. Reformator. Russkie o Petre I. Ivanovo: Fora, 1994. 319 s.
9. «Severnye tsvety» na 1828 god. SPb., 1827. S. 225.
10. Zhukova O.A. Istoricheskii obraz Rossii: traditsiya i traditsionalizm // Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki. 2007. № 4. S. 56-60.
11. Moskovskie universitetskie izvestiya. 1866-1867. № 3. S. 181.
12. Chaadaev P.Ya. Sochineniya. M., 1989. S. 411-412.
13. Skabichevskii A.M. Soch.: v 2 t. T. 1. SPb., 1903. Stb. 210-213.
14. Murav'ev V.B. Karamzin. M.: Molodaya gvardiya, 2014. 480 s.
15. Karamzin N.M. Pis'ma russkogo puteshestvennika / Red. Yu.M. Lotman, N.A. Marchenko, B.A. Uspenskii. L.: Nauka, 1984. 716 s.
16. Turaev S.V. Rannaya prosvetitel'skaya satira // Istoriya vseмирnoi literatury: v 9 t. T. 5. M., 1988. S. 200-203.
17. Klimakina E.A. Basni i pritchi v zhanrovoy sisteme tvorchestva Kh.F. Gellerta // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 2011. № 2. S. 185-190.
18. Klimakina E.A. «Trogatel'naya komediya» Kh.F. Gellerta // Vestnik Kolomenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. 2009. № 2(8). S. 131-138.
19. Lotman Yu.M., Uspenskii B.A. «Pis'ma russkogo puteshestvennika» Karamzina i ikh mesto v razvitii russkoi kul'tury // Karamzin N.M. Pis'ma russkogo puteshestvennika. L.: Nauka, 1984. S. 525-606.